

Конечно, большая
иллюзия считать,
будто человек
благороден.

Но самая большая
иллюзия полагать,
что жизнь дерьмо. Страница 86

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Мы все горим синим пламенем

Роман

Анатолий Николаевич Андреев

Мы все горим синим пламенем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3459595

Минск; 2003

Аннотация

Четвертый роман А. Андреева состоит из серии новелл, объединенных сквозным повествованием. Установка на рассказывание историй заставляет вспомнить романы Х. Мураками. Главный герой, как всегда в романах А.Н. Андреева, – писатель, гуманитарий-интеллектуал.

В романе элементы мистики соседствуют с пародией на притчу как способ мышления, и в то же время сам роман превращается в «притчу о притче». Явно ощутима скрытая полемика с Куэлью. Главный символ романа – «синее пламя», которое то ли очищает, то ли пожирает главных героев, и в то же время угрожает самому существованию человечества.

Стилистика романа – многокрасочна и прихотлива. Обилие диалогов и действий держат внимание читателей от начала до конца. Роман полифоничен и многослоен; произведение, как и остальные романы А.Н. Андреева, обо всем.

Содержание

1	4
2	21
3	29
4	37
5	42
6	48
7	56
8	58
9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анатолий Андреев

Мы все горим синим пламенем!

Роман

1

На этот раз Леонида Сергеевича Горяева ожидал сюрприз.

Обычно при телесных недомоганиях, сопровождавшихся высокой температурой, вибрации каких-то душевных скважин рождали трепетные мелодии, исполнять которые доверялось только скрипкам. На этот раз, к немалому изумлению больного, мелодию повели не скрипки, и вообще все началось не с мелодии, а с тихого упругого хрумканья контрабасов. Ум-па, ум-па, ум-па, ум-па... Ум-па, ум-па, ум-па, ум-па... Потом негромко вступили тромбоны – лихо подхватывая джазовый зачин и развивая его потрясающим свингом. К ним пронзительно присоединились привыкшие солировать трубы, потом, очевидно, еще какие-то духовые, и простенькая, но заковыристая мелодия, накатывала плотным звуком, разрастаясь, как пожар. Ум-па, ум-па, ум-па, ум-па...

Мелодия была будто бы и резвая, игривая, но с тем оттен-

ком бесшабашности, которая рождается только от безнадёги. «Веселенькое дело, – отметил про себя Горяев. – Словно черти на поминках отплясывают». Кстати, пассионарная рожка не умеющего унывать афроамериканца лукаво лоснилась из-за грифа лакированного контрабаса. Блики световых пятен скользили светлыми зайчиками, прыгали и пританцовывали, придавая странной интродукции разнузданный, и вместе с тем отчаянный характер.

«Все, пора приходить в себя, – пытался нащупать бразды правления Леонид Сергеевич. – Вот дослушаю концовку: как они, черти, сообразят?»

Надо было отдать должное: сообразили оркестранты замечательно. Совершенно неожиданно плотная звуковая стена словно бы исчезла, уступив пространство рыдающей, одинокой ноте гобоя, с которой началось феноменальное кривляющееся соло.

Черт знает что! Бесподобно до безобразия...

«Что это было?» – воскликнул Горяев, открывая глаза и обнаруживая, что он лежит в палате. Резануло ощущение блеска и чистоты, затем повеяло стерильностью и безмолвием северного полюса. Впрочем, в следующую секунду Горяев принял к сведению, что его внимательно рассматривают серые глаза незнакомца, который тактично выдержал паузу и доброжелательно ответил:

– Это был обыкновенный пожар. Только высшей категории сложности. Славно пылал наш девятнадцатизэтажный

дом, номер 99 дробь два, что по улице Звонарева. Выгорел дотла. За исключением квартиры какого-то алкаша, по непроверенным данным. Этих божьих людей, эту нечисть, я хочу сказать, геенной огненной не возьмешь.

– А кто такой этот Звонарев? – спросил Горяев, настраиваясь на увлекательную беседу.

– Говорят, подпольщик. По другим сведениям – дореволюционный губернатор или меценат. Кто-то утверждает, что он был знаменитым дрессировщиком. Спец по тиграм, а может, по слонам. Какая, собственно, разница? Дом сгорел, улица осталась. Я был временно безработным в течение счастливого года, а теперь вот перешел в категорию бомжей. Все течет, горит и меняется. Что мне Звонарев?

– Может, это подпольщик, то бишь дрессировщик, накликал несчастья?

– Может быть. Если вы верите в привидения. Может, тень Звонарева с целой стаей теней его саблезубых питомцев и бродит ночами по улице его имени. Но поджигал точно не он. Теням не сладить с жарким пламенем.

– А кто же? – спросил Леонид Сергеевич таким тоном, словно он с самого начала помнил все, и потому его могли мучить разве что несущественные подробности. На самом деле он только начинал припоминать, смутно восстанавливая в сознании картины, проступавшие сквозь пламя и дым.

– Кто-то из нас, несчастных жильцов дома 99 дробь два.

– Откуда такая уверенность?

– Леонид Сергеевич, давайте пораскинем остатками здравого смысла, которые, по теории вероятности, должны бы сохранились у нас после перенесенного шока.

– Давайте попробуем пораскинуть. Сейчас я сконцентрируюсь. Помогите мне принять вертикальное положение. Кстати, откуда вы знаете, как меня зовут?

– Боюсь вас разочаровать, но вчера вечером вы внятно произносили и мое имя. «Алексей Юрьевич? Очень приятно» – так вы реагировали на наше знакомство. Помните? При этом вы неприлично гордились своей профессиональной памятью. Помните?

– Нет.

– Слава богу. Я думал, сейчас вы врать начнете.

– Да я редко вру. И то преимущественно себе. Но мы действительно вчера познакомились?

– Действительно. У вас, кажется, повреждено ребро?

– Ребро?! Ага, вот теперь припоминаю... Это нелепая версия хирурга, которого бьет нервный тик. Я вчера так хохотал, когда узнал, что вытворял мой сосед во время пожара, что чуть не задохнулся. И ничего, ребра совсем не чувствовал. Честно говоря, у меня только царапина на левом бедре. Больше ничего. Мне кажется, я вполне здоров и даже, не побоюсь этого слова, нормален. Только зачем-то прикован к больничной койке. Между прочим, Звонарев был подпольщиком, если вам хоть капельку интересно. Я это точно знаю.

С помощью соседа, который пропустил последнюю репли-

ку мимо ушей, Горяев уселся на кровати, пытаясь при этом сохранить на лице и в положении корпуса чувство собственного достоинства и независимости.

Читатель! Вы все поймете в свое время, если захотите и если дадите себе труд подумать – подлинно культурный труд, саму культуру делающий занятием, мало напоминающим развлечение. Сейчас же предлагаю просто послушать незатейливый диалог двух товарищей по несчастью. Итак, начинает Алексей Юрьевич.

– Готовы? Тогда приступим. Рабочая версия отцов города гласит: это был ужасный террористический акт. Смешно! Милиция просто сошла с ума! Где вы видели в нашем мирном городе террористов? Где их осиное гнездо? Где вы наблюдали их акции, тусовки или сборища?

– Для тяжелобольного вы как-то слишком бодро расхаживаете по палате. У вас же сломана лодыжка и что-то там расщеплено, если я не ошибаюсь.

– А-а, ерунда. Этот нервный хирург тоже выполнял политаказ. Весь мир помешан на террористах. Сегодня если не почетно, то крайне выгодно пасть жертвой злого умысла фанатиков. При этом, правда, надо умудриться уцелеть. Вот мы с вами уцелели, и потому должны изображать ужасные последствия теракта, неужели вам неясно? Отныне вы не просто писатель, Леонид Сергеевич, но и образ невинной жертвы. Ценная улика и почетный свидетель. С чем вас и поздравляю. В газеты попадете, тиражи ваших книг будут рас-

ходиться мгновенно...

– У меня такое впечатление, что я не очень-то похож на жертву. Больше смахиваю на улику.

– Со стороны виднее. А сломанное ребро забыли? Не удивлюсь, если вас сегодня же обложат гипсом и под глаз фонарь навесят.

– Ах, да. Ребро как-то вылетело из головы. Итак, терроризм отпадает. Хотя вот тут, знаете ли, под сердцем, что-то дает о себе знать, дает... Жертва, говорите?.. Любопытная мысль...

– Терроризм не пройдет. Но есть вещи похуже терроризма, – между тем дерзко заявил Алексей Юрьевич и принял вызывающую позу.

– Интересная версия. Вы что, газет не читаете? Вы что, не в курсе, что нет ничего на свете хуже терроризма – нет и быть не может? Терроризм – бич нашего времени. Пора бы усвоить. Вопиющая политическая некорректность, какое-то политическое косоглазие. Вы просто выгораживаете терроризм. На что вы намекаете?

– А я и не намекаю. Я называю вещи своими именами. Самая термоядерная смесь на свете – это глупость, смешанная с ревностью. А начало всему – любовь.

– Очень интересно. Так кто поджег дом, всезнающий господин Оранж? Я правильно воспроизвел вашу незабываемую фамилию?

– Правильно. Видите ли, Леонид Сергеевич, фактическая

база – самое слабое место моей стопроцентной версии. Собственно, я располагаю только одним фактом. Но железным.

– Мои уши на гвозде внимания, как говорят в таких случаях искушенные индейцы, еще оставшиеся в резервации. Кое-где.

– Индейцы, кстати, последнее время заметно прибавили в численности. Краснокожие больше не вымирают. Но вернемся к моему факту. Это очень интимный факт.

– За кого вы меня принимаете? Я – могила, железобетон на арматурной основе.

– «Гвозди бы делать из этих людей...» Типун вам на язык, дорогой Леонид Сергеевич, сказочного здоровья и долгих лет жизни. Продолжайте радовать нас своими удивительно добрыми детективами...

– Какая чекистская осведомленность. Просто неприличная и, я бы сказал, подозрительная для заурядного обывателя. Спасибо на добром слове. Я вижу, вы мне не доверяете. И напрасно. Я ведь никому ни словечком не обмолвился о том, что видел собственными глазами. Нечто интимное и непосредственно касающееся вас.

Очевидно, Горяев решил перехватить инициативу и перейти в наступление.

– И что же вы видели? – выстроил первый рубеж обороны Оранж.

– Это было месяц назад. Стояла лунная ночь. И вы, мсье, на лестничной площадке нежно и продолжительно тискали

соседку с седьмого этажа, из двухкомнатной.

– Тоньку? – уточнил Алексей Юрьевич.

– Возможно. У нее муж такой, знаете, боксер. Или штангист. Отменно управляет мерседесом.

– Как вы думаете, ее муж сгорел?

– Откуда мне знать... Думаю, нет. Уверен, что нет. С такими кулаками и в огне не горят, и воде не тонут...

– Да... Сколько вообще жертв? Я имею в виду не таких, как мы, а тех, кто попросту погиб.

Оранж вроде бы сменил тему, но в его голосе определенно прибавилось доверительности.

– Говорят, не менее сотни. Многие находятся в тяжелом состоянии... – Горяев явно решил зацепиться за доверительность.

– Да, повезло нам с вами.

– Исключительно повезло... Подумаешь, ребро помято.

Алексей Юрьевич посмотрел на Леонида Сергеевича и улыбнулся. Потом произнес как старый добрый знакомый:

– Итак, я тискал Тоньку, вы наблюдали и завидовали, но при этом ни словечком не обмолвились ее мужу... Я правильно понимаю ваш шантаж? Взамен вы требуете, чтобы я выдал вам свой секрет.

– Почти все правильно, только «тискал» слишком мягко сказано.

– Гм-гм... Воспоминания! Как острый нож оне!

– Секрет! Гоните свой секрет. Обожаю секреты.

У соседей по палате явно складывались отношения. Оранж выдержал паузу и сенсационно заметил:

– Проблема в том, что я тискал, как вы изволили выразиться, не только Тоньку.

– Да вы ловелас, господин безработный! – подыграл ему Горяев.

– У меня была масса свободного времени. Детективы я презираю. Надо же было чем-нибудь заняться. И потом, я ужасно обаятельный, в меру остроумный, не в меру сексуальный...

– И не в меру самонадеянный.

– Да, исключительно самоуверенный, что так нравится хищному слабому полу.

– Кого вы тискали, и какая тут связь с пожаром? Не отвлекайтесь, подробности будете излагать следователю.

Горяев явно с удовольствием вел диалог, Оранж был тоже в ударе. Он легко двигался по рингу, делал жалящие уколы и ловко уходил от контрвыпадов.

– Огромный типун вам на язык. Просто гигантских размеров типун. Последней моей героиней была Катерина с четырнадцатого этажа. Буквально луч света! Я ей почти не изменял. Тонька не в счет, – провокационно завершил реплику Алексей Юрьевич.

– Почему? – искренне изумился Горяев.

– Два раза в неделю – вы считаете это серьезно?

– Об этом вы спросите у ее мужа.

– Может, он все-таки сгорел?

– Не отвлекайтесь. Мы с вами ищем поджигателя. Обгорелые трупы нас не интересуют.

Горяеву, судя по всему, досталась роль нелегкомысленного клоуна.

– На Катьку запал один придурок с тринадцатого этажа. Влюбился без памяти. Отец двоих детей! Семьянин! Где только совесть у людей...

– Не отвлекайтесь! – Леонид Сергеевич был сама строгость.

– Однажды темной луной ночью, когда я едва успел нежно, да, очень нежно попрощаться со своей возлюбленной, ко мне в комнату ворвался этот женатый тип, отец двоих детей, семьянин...

– Ну?

– Ворвался ко мне в комнату, где царил интимный беспорядок, этот бесстыдный самец и клятвенно пообещал спалить мой диван.

Оранж самоуверенно ждал реакции собеседника. Горяев кисло скривился:

– И это все ваши факты?

– Дорогой вы мой! Ваша наивность меня просто поражает. Восемьдесят процентов всех бытовых пожаров начинаются с возгорания диванов. Любой ребенок об этом осведомлен. И потом, этот псих поклялся здоровьем своей жены. По-моему это серьезно.

– Идите вы с вашим фактом знаете куда?

– Издеваетесь? Мне некуда больше идти, Леонид Сергеевич. Мой дом сгорел. Дивана больше нет.

Соседи по палате все с большим любопытством присматривались друг к другу. И все больше и больше проникались доверием и симпатией.

– Кстати о диванах... – Горяев весьма артистично выдержал паузу. – Если восемьдесят процентов всех пожаров начинаются с возгорания диванов, то пожар в нашем доме мог начаться не только с вашей подбитой дерматином развалюхи.

– Одну секундочку! У меня был прочный, удобный двухместный диван отечественного производства. Это вам не Италия какая-нибудь на колесиках, где партнерше ноги толком задрать невозможно! – Оранж не на шутку обиделся за свой диван.

– Да погодите вы со своей Италией. Сейчас вопрос не в том.

– А-а! Ваш диванчик тоже торжественно обещали спалить? – Алексей Юрьевич почти торжествовал.

– Если бы моя милая необъятная тахта полыхнула, мы бы сейчас с вами не беседовали здесь так игриво. В лучшем случае мы бы сейчас пребывали в раю.

– Я предпочитаю больницу и сломанную лодыжку. Чур меня, – открестился от рая Оранж. Леонид Сергеевич был солидарен с ним:

– А я, так и быть, готов примириться с моим подбитым ребром. Речь не о моей полутораспальной итальянской кра-савице. В вашей ахинее есть крупица здравого смысла. Я зна-вал по крайней мере еще пару диванов в нашем замечатель-ном доме, на которые нашлось бы с полдюжины поджигате-лей.

Несерьезный клоун Горяев знал свое дело туго.

– Вы уверены, что в вас сейчас не включилось ваше боль-ное детективное воображение? – торжественно насторожил-ся Оранж.

– Оставьте мои детективы в покое, перестаньте мне зави-довать.

– Да вы, я вижу, не без греха, писатель. Давайте начистоту. Алексей Юрьевич с удовольствием потирал руки.

– Давайте. Только я боюсь, моя искренность может вас, гм-гм, дополнительно травмировать.

Теперь Горяев был сама деликатность.

– Так-так, становится все жарче и веселее. После моей лодыжки мне ничего не страшно. Гореть так гореть. Валяй-те, добивайте бомжа. Поднимайте руку на униженного и оскорбленного, – юродствовал Алексей Юрьевич.

– Мужайтесь, господин Оранж. Ваша Катерина...

– Не может быть! Не верю! – весьма натурально возопил Алексей.

– Дайте слово сказать! Катерина не только вас и отца дво-их детей за нос водила, но и меня. Змея подколотная! – с

шиком, на голубом глазу выдал реплику Горяев. Оранж парировал со сдержанным достоинством:

– Вы хоть представляете, что вы сейчас натворили? Вы убили мою святую веру в людей. Этого вам точно там не простят, после этого в рай вам путь заказан абсолютно. Между прочим, я бы детективщиков к райским кушам на пушечный выстрел не подпускал. Просто палил бы по ним картечью. Прямой наводкой. Вам хоть капельку стыдно, сочинитель?

– Самую малость. А вам?

Теперь Горяев был мистер ехидность.

– Мне стыдно за себя. Я думал, у нее всего три любовника. Оказалось целых четыре.

– Кошмар! А я думал, всего два... – Леонид Сергеевич был в восторге от собеседника. Оранж отвечал ему полной взаимностью:

– Рогоносец вы несчастный! Да вы просто в людях не разбираетесь. Ладно, каких еще пару диванов вы имели в виду?

– Об одном я вам уже сообщил. Что касается второго... Не проболтайтесь?

– Нет. Я что, похож на болтуна? – в голосе Алексея заплескалась глубокая обида.

– Как вам сказать... Молчуном вас назвать – язык не поворачивается. Впрочем, сейчас это неважно. А с какой стати я должен выдавать вам свой самый большой секрет?

– У меня такое впечатление, что вам очень хочется выдать свой секрет. Видимо, больше не с кем поделиться.

Оранж отчего-то на минуту перестал быть клоуном. Горяев подхватил его нелукавую интонацию (нет, судя по всему, диалог вел все же Алексей Юрьевич):

– Ну, что ж, вы, пожалуй, в чем-то правы... Я люблю дочь моего друга. Вот так, господин бомж. Вот почему я снимал квартиру в вашем паршивом обгорелом доме. Не исключено, что именно моя тахта и оказалась тем злополучным детонатором...

– Эге, писатель, – Оранж приободрился. – В вас начинается что-то глубоко человеческое. Сугубо человеческое, я бы сказал. Сколько вам лет?

– Сорок пять.

– А дочери друга, я полагаю, несколько меньше?

– Двадцать один.

– Губа не дура. Женаты, я полагаю? И детей, наверно, двое?

– Двое. Девочка и мальчик.

– И сколько вашей дочери?

– Двадцать два.

– Фью-ю-ю! Без комментариев.

Комментарий Оранжа был, в общем-то, обидной, хотя и талантливой, импровизацией. Но Горяев сейчас дорожил нотой простоты:

– Из-за этого я и ушел от жены. Пока мы не разведены. Что делать – ума не приложу. А врать надоело.

– Я вас видел вместе с этой девочкой, с дочерью лучшего

друга, я имею в виду.

– Ее зовут Ирина, – со вздохом ответил Горяев.

– Ей идет короткая юбка. Но, по-моему, вы затеяли смертельную игру. Это пострашнее пожара будет.

– Пожар – это мелочи жизни. Укус комара.

– А как же Катерина? – перешел на шепот Оранж.

– Раз в неделю – разве это серьезно? Да и то от отчаяния, – в тон ему возразил Горяев.

– Понимаю.

– Не знаю, зачем я это вам рассказал.

– А я вам скажу, зачем, – Оранж энергично расхаживал по палате. – Вы просто учуяли во мне родственную натуру. Да-да, не отпирайтесь. Ну, что ж, примите исповедь мою. У меня практически те же проблемы. Только я не женат, разведен, но не очень устроен в жизни. Перебиваюсь случайными заработками. А это чистое существо мне всю душу перевернуло. Просто... пожар какой-то, напалм. Горю синим пламенем, то ли адским, то ли райским. Ведь я жену оставил с двухлетним сыном, которого мы ждали десять лет... Записывайте мою историю, что вы рот разинули. Вставьте в роман. Гонорар поделим пополам.

Уже непонятно было, кто из них клоун серьезный, а кто не очень.

– Да, вы тоже влипли не на шутку.

И, понизив голос, Горяев добавил:

– А как же Тонька?

– От отчаяния, разумеется. Зачем задавать лишние вопросы?

– Понимаю. А как ее зовут?

– Кого?

– Ну, эту... вашу... юную подругу.

– У нее чудесное имя. Знаете, такое свежее, незатасканное. Как-то удивительно приспособленное для моих губ. Ее зовут... Нет, сначала я опишу ее фигуру. Нет, обрисую. Вот, вот и вот, представляете? Какая прелесть! Кстати, ей тоже двадцать два года. У вашей дочери хорошая фигура? – Оранж был не просто в ударе; глаза его блистали, движения были патетичными.

– Еще бы! – Горяев невольно переходил на восклицания.

– Ну, разумеется. Нашел у кого спросить... – ядовито осадил Леонида Сергеевича Алексей Юрьевич, оскорбленный в лучших чувствах. – Там такое чудо точёное! Слоновая кость! Африканская статуэтка!

– У африканских статуэток отчего-то сиськи всегда огромные, – уколom на укол парировал Горяев. Впрочем, сделал это вполне уважительно.

– Нет, здесь с пропорциями все в полном ажуре. Пикантнее, чем эти тощие задницы на подиумах. Софи Лорен отдышает. Монро – просто драная кошка. Тут, тут и тут. М-м! Сила!

И в пантомиме Оранж был выразителен.

– А какого цвета у нее глаза? – невинно и как-то особенно

проникновенно спросил Горяев.

– Вы рассуждаете как патологоанатом. Вам бы все по частям и безо всякой последовательности, – вдохновенный Оранж с презрением отнесся к выпадку Леонида Сергеевича. – После такой фигуры глаза уже не имеют значения. Но и глаза у нее – и тут вы правы! – отдельная песня. Я вам просто скажу: они цвета моря. А зовут ее...

В этот момент в палату вошла девушка, при взгляде на которую хотелось думать о лете, море, бездонном синем небе и большой корзине с фруктами. Свежестью и чистотой веяло от всего облика прелестного юного создания. На ней был легкий сарафан, схваченный на стане тонким пояском. Круглые плечи, открытое лицо, с которого она никак не могла смахнуть улыбку. Только при взгляде на Оранжа в ее глазах промелькнуло что-то, похожее на тревогу.

– Марина, радость моя! Солнышко мое светлое! – обнял ее счастливый папаша, Леонид Сергеевич Горяев.

– Здравствуй, папа. А мы и не знали, где тебя искать. Какая неожиданная встреча. Просто ужас, – несколько непоследовательно отреагировала дочь.

Марина не отрываясь смотрела на Алексея Юрьевича, а тот, как замороженный, уставился на дочь своего приятеля.

Вам все понятно, читатель?

Да, да, это была именно та девушка, которую описывал влюбленный Оранж. Жизнь полна неожиданностей, она просто изобилует ими. Вы не встречали ничего подобного?

Так ведь можно жить долго и при этом ничего не замечать вокруг. Раскройте глаза, сонный читатель, приподнимитесь с дивана.

– Как ты меня вообще нашла? Что там творится на воле?

Говорят, сотни трупов? Садись, рассказывай. Да, позволь тебе представить, это приятель мой, можно сказать, товарищ по несчастью, Оранж. Фамилия такая.

– Алексей Юрьевич, – церемонно, как на рыцарском турнире, представился Оранж.

– Алексей...

– Можно просто Алексей.

– Алексей Юрьевич посолиднее будет, да и по возрасту более подходит, – отчего-то заволновался отец.

– Какие наши годы, Леонид Сергеич! Только жить начинаем.

– Марусенька, садись, рассказывай. Сколько там трупов? Мы тут ничего не знаем.

– Папа, о каких трупах ты все время говоришь? Мне сказали, двоих доставили на носилках вот в эту палату, номер семь. Фамилию второго я и не посмотрела. Оранж, как выяснилось, и ты вот...

Марина еще не умела врать и вовсе не собиралась обучаться этому гнусному искусству. Поэтому она слегка зарумянилась, что, впрочем, только придало прелести ее очаровательному лицу, обрамленному светлыми волосами, прядь которых то и дело непослушно выползала из-за ее небольшого, отдельно красивого уха. Можно было целую вечность сидеть и просто любоваться ее милыми жестами, нелживой мимикой, постоянными поворотами головы...

– Как это тебя угораздило, папа. Многие наглotalись ды-

ма, отравились угарным газом. У многих просто нервный шок. Много ушибов. Но никаких трупов нет, за исключением вас.

– Мы не в счет. Мы не трупы, – с ноткой мужества в голосе заявил Горяев. – Значит, версию о террористах решили отменить. Жалкие политиканы! Значит, им больше не нужен образ невинной жертвы! Пропали мои тиражи!

– Папа, ты о чем? С тобой все в порядке? Алексей, папа в своем уме?

– Я соображаю в сто раз лучше, чем Алексей Юрьевич. Выпей воды. Успокойся. Продолжай.

– Говорят, поджог устроила какая-то Катерина в отместку своему любовнику, чужому мужу.

Здесь великолепная Марина вновь отчего-то покраснела, слегка, самую малость.

– Кошмар! – возмутился Леонид Сергеевич. – В это трудно поверить. Кому же она мстила, а? Как вы полагаете, Алексей Юрьевич?

– Откуда мне знать? – в ответе Оранжа явно сквозила озабоченность, которая так не свойственна молодости и которая настигает нас после того, как мы, несколько раз обжегшись на молоке, усердно дули на воду. – Вы же лучше меня сообщаете. До четырех считать умеете? Вы жили в девятнадцатизэтажном доме! Как же вы добирались до своего восьмого! Наверно, то и дело путали его с четырнадцатым.

– Что за нервные люди населяли этот копченый небоскрё-

бишко! Маньяки! Какие злые языки! Страшнее арбалета! – Леонид Сергеевич положительно вышел из себя.

– Муся, не томи! Моя квартира не сгорела?

– Какая она тебе Муся! Не забывайтесь, Алексей Юрьевич!

– Виноват, Марина э... Леонидовна. Вы случайно не в курсе, моя скромная квартира номер 71, что на седьмом этаже, на солнечную сторону, окна не заклеены, из-за моей лени и нехватки времени, да, да признаю, – так вот моя замечательная квартира цела? Она не сгорела? Эта Катерина меня ни с кем не перепутала? Может быть, вы случайно, одним глазком успели увидеть...

– Да успокойтесь, Алексей э... Юрьевич, ваша квартира в целости и сохранности. Какое отношение вы имеете к этой сумасшедшей Катерине?

– Никакого! Клянусь самым дорогим на свете!

– А моя квартира, доченька? В мою квартиру ты заглянула?

– Ну, конечно, папа. Зачем же я, по-твоему, ходила в этот дом?

– Да, действительно... Ко мне, конечно... И что с моей квартирой?

– Как что? Я надеюсь, что ты не тот чужой муж, которого следовало бы спалить.

– Как ты можешь такое говорить своему отцу! Так цела квартира?

– Да цела, цела. Что вы так оба спохватились!

– А я и не сомневался, что цела! – воскликнул Горяев, хлопнув себя по коленке. – У меня в прихожей на стене рядом с зеркалом висит сура из Корана. Арабская вязь на медном листе. Специальная древняя техника: буквы продавлены, покрыты лаком. Там пожелание благополучия и процветания моей семье и моему дому. Охранная грамота. Причем в тексте есть специальный заговор от пожара! Надежнее, чем пожарная машина!

– Откуда она у тебя, папа?

– Купил.

– Зачем?

– Не знаю... На всякий случай.

– Мы же в больнице, Марина, – проникновенно заговорил Оранж, – доставлены сюда в полубессознательном состоянии. У меня лодыжка, тут вот, у него ребро... исковеркано. Нам кажется, что весь мир рухнул, все вокруг пылает синим пламенем. И вот явились вы и возродили нашу веру в светлое будущее!

– Правда? – распахнула свои синие глаза девушка.

– Правда. Виват, Марина!

– Дочь! – с необыкновенным энтузиазмом подхватил Горяев. – Я горжусь тобой! Ты лучшее, что есть у меня в жизни. Дай я расцелую твои синие глазки!

Марина внезапно сникла. Она отошла в угол, подняла голову и в глазах ее клинком блеснула ярость.

– А мама? – тихо сказала она. – Мама – это худшее, что есть в твоей жизни? Ты бросил маму, папа. Как ты мог! Она же просто умирает без тебя. Ты хоть это понимаешь? Какой страшный эгоизм! Мне иногда кажется, что я не смогу простить тебя. Мне так обидно за маму... Ты предал ее.

– А я так надеялся, что именно ты поймешь меня, – теперь уже сник Горяев.

– Напрасно надеялся, – ласковая Марина превратилась в крапленый гранит. – Я не умею прощать предательство. Ты куда?

– Я сейчас, сейчас. Вернусь через минуту.

Дверь палаты захлопнулась беззвучно.

Злые искры потухли в ее глазах, морщинка растаяла на лбу, во взгляде колыхнулась нежность. К Оранжу она обратилась уже совсем другим тоном.

– Я так перепугалась! – ее руки легли на плечи Алексея Юрьевича.

– Радость моя, – напрягся возлюбленный. – Сейчас войдет твой папа. Боюсь, он нас тоже не поймет.

– Я не могу жить без тебя! Если бы с тобой что-нибудь случилось...

– Марина, Марина, послушай. Все в порядке, все хорошо. Все замечательно. За исключением того, что я тоже ушел из дома и предал своего сына.

– Нет, нет, не говори так. Ты любишь меня, я это знаю, я это чувствую. Ты никого не предавал. Ведь ты не любил

свою жену, ведь не любил? Нет?

– Как тебе сказать...

– То, что происходит у нас с тобой, не может быть ложью. Я это знаю. Я это чувствую. Любовь всегда права. Я тоже рожу тебе ребенка. Даже двоих. Возможно, я уже беременна.

На этот раз на лице ее румянец не появился.

– Как это? Ты шутишь?

– Это очень просто. Когда люди любят друг друга, у них обязательно рождаются дети. Представляешь, какое нас ждет великолепное будущее!

– Представляю...

– Я вчера где-то прочитала, в какой-то умной книжке, что высшее доверие, которое женщина может оказать мужчине, – это родить от него ребенка. И сына твоего Димку мы не бросим. Ведь ты его отец. Я так счастлива, так счастлива!

Вернувшийся Горяев нашел свою дочь уже в совершенно ином расположении духа. В самом воздухе и микроклимате произошла неуловимая перемена. Выступивший вперед Оранж нелепо выбросил руки с растопыренными пальцами от груди перед собой и харизматически возгласил:

– Леонид Сергеевич! Ваша дочь просто счастлива оттого, что обнаружила вас в добром здравии. Я уверен, что вы найдете общий язык, и в семье воцарится мир. Ох, уж эта молодость! Нашим поколениям надо чаще общаться. Они совсем другие, они не похожи на нас, Леонид Сергеевич. Может быть, они даже лучше нас. Но только это еще не осно-

вание для того, Марина, чтобы рвать отношения с собственным отцом. Любите его, Марина, любите! Неужели вы не видите, что вы для него – свет в окне? Ваш бедный папа... он столько перенес. И сколько перенесет еще! Миру мир, нет войне. Стоп пожару.

– Спасибо, Алексей Юрьевич, за пламенную речь. Извините за семейную сцену. Ты домой, дитя мое?

– Да, домой. К маме. Ты вернешься, папа?

В воздухе повисло тяжелое молчание.

– Не знаю. Иди.

– Если вернешься, я расскажу тебе лучшую новость в твоей жизни. До свидания, – сказала Марина, ни на кого не глядя.

– До свидания, – ответил Оранж, стараясь вложить в свою интонацию нечто особенное.

– До свидания, – устало обронил Горяев.

Марина ушла.

3

Марина ушла, и в палате воцарилось молчание, сотканное то ли из предгрозовых предчувствий, то ли из желаний зацепиться хоть за какую-нибудь иллюзию.

– Вы давеча сказали, что вам надоело врать. А что значит врать, Леонид Сергеевич? – философски взвесил смыслы Оранж.

– Врать – значит не замечать истины, – не задумываясь, как хорошо усвоенную гипотезу произнес Горяев, показывая тем самым, что он не прочь поговорить ни о чем.

– Bravo! Исчерпывающе и потрясающе. Просто гегельянство какое-то. Для детективщика – высший пилотаж. И что у нас есть истина?

– Врать – значит поступать так, – стараясь не уклониться от истины, сделал заявку Горяев, – поступать так, как хочется, успокаивая себя тем, что всем другим от этого только лучше.

– А на самом деле – только хуже?

– А на самом деле только хуже. Хотя не всегда...

– А я вот не знаю, что значит врать. Верите?

– Вы забавный господин. Всё мельтешите, мелко берете...

Мелким бесом. Как-то несолидно все у вас получается. Все вы прекрасно знаете. И с удовольствием врете.

– Виноват, вынужден разочаровать вас: вру я без удоволь-

ствия. Даже себе.

Впервые голосом Оранж дал понять, что у него есть характер, и не слабый. Но на что он его расходует в жизни – было непонятно. Человеческие загадки – хлеб писателя; может, на это и рассчитывал Алексей Юрьевич?

– Я вам расскажу сейчас историю, а вы исполните роль детектора лжи. Станьте на мгновение совестью человечества, Леонид Сергеевич.

– Ну, вот, опять мелко копаете. Просто звонок какой-то. Звоните по делу и не по делу.

– Итак, жил-был я вместе со своею женой. И было у нас... Так получилось, что у нас не было детей. Знаете ли вы, счастливый отец благополучного семейства, что значит цветущей молодой женщине в течение одиннадцати лет не иметь детей, если она ими бредит? Вам просто воображения не хватит. Это вам не пиф-паф, ой-ой-ой... А мне не хочется травить душу воспоминаниями. Только один штрих: у моей жены, Марины, подушка бывала мокрой от слез... И это длилось годами. Вообразили? Врачи вынесли нам приговор, обжалованию не подлежащий. Нам было на роду написано не иметь детей. И мне даже в голову не пришла мысль покинуть жену, уйти от нее, предать ее. Верите?

– Продолжайте, – тоном знаменитого прокуратора Иудеи распорядился Горяев.

– А дальше началась если не чертовщина, то мистика. Подруга ее бабушки, старушенция ясновидящая откуда-то

из-под Вологды, накаркала нам светлое будущее. И-и, говорит, милые, не верьте врачам. Чего они понимают, коновалы. Возьмите, говорит, в дом собачку какую-нибудь бездомную, паршивую, блохастую – словом, предельно несчастную. Как будто собаки понимают, что они несчастны. Возьмите, говорит, собачку, и пусть она у вас живет. И ухаживайте за ней, любите ее. И увидите, что из этого получится. Будет, говорит, у вас ребенок. Марина, как утопающий за соломинку, вцепилась в какую-то задрипанную Мусю, отбила ее у живо-деров и притащила домой. Холит, лелеет. Даже плакать перестала. И через полгода заявляет мне: «Я беременна. Это Мусенька помогла, зайчик мой хороший». Аисты – это я еще понимаю; но собаки, приносящие в дом детей... Верите?

– Не хотелось бы думать, что вы способны шутить такими вещами.

– Какими вещами?

– Детьми. Дети – это святое.

– Что же вы тогда ушли от детей? Впрочем, речь сейчас не о вас. Слушайте, писатель. Марина действительно забеременела, благополучно выносила и родила прелестного карапуза. Моего сына Димку. Перед тем, как забирать ее из род-дома, я вылизал всю квартиру, навел идеальный порядок. А тут как раз эта Муся возьми и начни линять. Шерсть по всей комнате – не продохнуть. Целое испытание. Да еще вдобавок псина заболела чем-то, стала чихать. Мне младенца с матерью забирать, а тут на тебе. Я не долго думая схватил ее в

охапку (а она стала огрызаться, забилась под нашу двуспальную кровать) и отнес к добрым друзьям на время. А Мусю возьми и сдохни там через три дня самым подлым образом. Вот такое нам спасибо.

– Жалко, конечно, но собака сделала свое дело. Мне кажется, все было естественно и гуманно.

Горяев старался быть объективным.

– Мне тоже так казалось. Как бы не так. Старушенция как только узнала об этом, взвыла и за голову схватилась: что, говорит, вы наделали! Не будет вам в жизни добра! Ай-ай-ай! Не надо было собачку отдавать. Вам это никогда не простится. Жизнь, говорит, пойдет наперекосяк. Будут большие несчастья. И вижу, говорит, пожар впереди, синее пламя. И Марине ты принесешь одно только горе. А больше, говорит, ничего не вижу.

– И что было потом?

– Потом меня бес попутал. Я влюбился. Да так влюбился, что голову потерял. Все понимаю: жена, долгожданный ребенок – и ничего не могу с собой поделать. Фигура, глаза цвета моря... Взял, дурак, и все честно рассказал Марине, то есть жене. Вы бы видели ее. Она окаменела. Никаких истерик, никаких сцен. Просто выбросила меня, как я Мусю, – и все. Как в кино.

– И что же вы, собираетесь прогнозам этой старушенции поддаваться?

– А что бы вы сделали на моем месте?

– Во-первых, я пожелал бы вам не быть на моем месте; а во-вторых... Может, еще одну собачку взять в дом?

– Ну, прозаик, с вами не соскучишься. По-вашему, дворы просто кишат волшебными собаками? Как чуть что – так пса блохастого в дом. Давай, песик, пошамань! Благодарю покорно. Да и потом, собаки, как я понял, помогают в определенных случаях: от бездетности, может, еще от чего-нибудь. А сейчас у меня, боюсь, другая проблема.

– Какая?

– Возлюбленная моя грозитя родить совсем не нужного мне ребенка. И даже двоих.

– Ну, приятель, вы и влипли. Может, сейчас, кошечка помогла бы? Я имею в виду, котика сопливого взять в дом...

– А может, лапку сушеного таракана истолочь и смешать этот порошок с пылью, растертой из крылышка летучей мыши? А? Или в гороскоп заглянуть? А?

– Не надо нервничать. Я ищу конструктивный выход из тупика. И потом... Я детей теряю, вы приобретаете. Неизвестно, кому хуже. Если это вас утешит.

– У вас скоро внуки пойдут...

– Не говорите. Найдет, такого как вы. Вот будет радости-то. Как ее зовут?

– Кого?

– Вашу пассию.

– А-а... Это неважно. Женщины в каком-то смысле все на одно лицо. Только возрастом отличаются. И фигурой. Зачем

я это все рассказал вам?

– Тоже, наверно, не с кем поделиться.

Приятели долго молчали, не испытывая при этом неловкости.

– А какой, у моря, интересно, цвет? – спросил вдруг Горяев.

– Зеленый.

Горяев глубоко задумался.

– Я знаю Черное море, слышал о Красном. Даже Мертвое море могу себе представить. И все они – синие.

– Есть еще Балтийское. Вот оно до боли зеленое. Не отвлекайтесь от сути моей притчи. Как бы мне так поступить в моей ситуации, чтобы не соврать?

– Боюсь, правда в вашем положении несовместима с жизнью.

– И вы олицетворяете гуманность современной литературы?

– Правда жестока, Алексей Юрьевич. Но справедлива.

– Боюсь, вы избалованы счастливыми концовками ваших детективов. А жизнь богата на сюрпризы. Интересно, а что считать правдой в вашем положении?

– У меня хоть Иринка не беременна, – бодро и несколько ниже пояса парировал Леонид Сергеевич. Он держался молодцом.

– С вас хватит одной Маринки.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду непримиримую позицию вашей дочери: или она – или Ирина. Одной двадцать два года, другой – двадцать один. Или это пустячок?

– Нет, это еще та дилемма, конечно.

– Дилемма! Что-то вы стали очень косноязычны. Выразайтесь яснее: это просто капут.

Алексей Юрьевич явно намерен был взять реванш.

– Перестаньте каркать. Все равно у вас положение гораздо хуже моего.

– Да?

– Да!

– Эх, сказал бы я вам, папаша... Настроение не хочется портить. А следовало бы.

– В моей жизни, – задумчиво произнес Горяев, забыв обидеться на слова Оранжа, – не было паршивых собак и вологодских старушек. И я, вроде бы, делаю все правильно. Я поступаю порядочно, мне не в чем себя упрекнуть, по большому счету. Но я чувствую себя жутко виноватым. Мне просто стыдно в глаза дочери смотреть. Жену мне жалко, сына я обожаю. А Ирину – люблю. Да. Я бы не удивился, если бы оказалось, что я ее люблю. Хотелось бы в это верить...

– Все это тоже несовместимо с жизнью, спешу вас утешить. Так что пусть Ирина быстрее беременеет: это хоть какой-то выход.

– А что! – искренне взвился с места Горяев. – В вашей ахинее намечается хоть какой-то просвет. Если угодно – вы-

ход.

– Конечно, выход. Будете, как ишак, разрываться на трех работах, и вскоре загнетесь естественной смертью. Падете смертью глупых на жизненном фронте.

– Я уже разрываюсь на трех.

– Три работы, три женщины... В ваши годы надо себя щадить.

– Вы злоупотребляете моей откровенностью, – повел бровью Пилат.

– Извините. Это все оттого, что вы меня разочаровали.

– Как это понимать?

– Я надеялся, что вы, человековед, духовный пастырь, хоть теоретически укажете мне перспективу. Набросайте мне приемлемый сценарий жизни. Что делать?

– Теоретически – вам только в петлю; но на практике бывает и иначе.

– Все это – слова, слова, слова...

В этот момент раздался троекратный стук в дверь.

Сердце Горяева тревожно сжалось.

И было от чего!

В дверях стояла, излучая гибельную власть для мужчины, молодая дама. Она была почти одних лет с Мариной, однако выражение ее лица было значительно старше: резковатые скулы и строго определенные черты спокойно и уверенно демонстрировали неласковую красоту. Особо поражала бледная свежесть кожи.

– А это уже, судя по всему, к вам, уважаемый Леонид Сергеевич! – мстительно запел искушенный Оранж.

– Ирина, ангел мой! Не верю собственным глазам!

Сложно было сказать, оторопел писатель от приятного сюрприза или пытался изобразить неземную радость.

– Ваши глаза вас не подводят. Это действительно Ирина. Позвольте представиться: ваш сосед по дому и друг Леонида Сергеевича – Алексей Юрьевич Оранж.

– Ирина. Очень приятно. Здравствуйте, Леонид Сергеевич! – голос дамы гармонировал с ее обликом: низковатый и грудной.

– Ангел мой, прелесть моя! Само совершенство!

– Леонид Сергеевич хочет спросить, – заворковал Оранж, – как там дела в нашем общем доме, а также вокруг него?

– Все хорошо. Это Катя из ревности или из вредности под-

палила матрас.

– По нашим сведениям, это был диван, – осторожно уточнил Алексей Юрьевич.

– Или диван. Какая разница?

– Вы не знаете разницы между диваном и матрасом? Какая наивность!

– Алексей Юрьевич, угомонитесь. Ирина, это он так шутит. От отчаяния.

– Леонид Сергеевич! – ровным тоном начала Ирина.

– Можешь называть меня Леонид...

– В ваши-то годы! – ернически встрял Оранж. – Я бы не смог переступить через порог почтения. Леонид – звучит несолидно. Как-то, знаете, с натугой, с натяжечкой. Это вас не молодит. Вы не находите, Ирина? А вот Леонид Сергеевич – вполне сносно, почти гордо.

– Алексей Юрьевич, вы не могли бы оставить нас наедине? – спросила Ирина в пространство, взглядом отыскивая место для сумочки.

– Я? Вас?

– Вы. Нас. Наедине. У нас свидание.

– Вот это хватка. Аж в зобу дыханье сперло.

– Прошу вас. У нас очень серьезный разговор, – смягчила просьбу Ирина беглой улыбкой.

– Хорошо. Пойду позвоню Марине.

– Жене? – любезно изобразил внимание Горяев, очевидно, чтобы смягчить горечь изгнания.

– Она мне, строго говоря, не жена, но мне тоже есть о чем с ней потолковать, поверьте мне.

Шаги за дверью вскоре стихли и Ирина, преодолевая некоторое стеснение, заговорила ровным тоном.

– Леонид! Леонид Сергеевич, Лёня... У нас будет ребенок.

Горяеву было страшно даже вникать в смысл сказанных слов. И он тихо заговорил, обращаясь, скорее, к себе:

– Не может быть! Иринка, дорогая! За что?!

– Ты хочешь спросить, как это получилось? – было ясно, что Ирина рассчитывала на иную реакцию.

– Нет, как получилось, я догадываюсь. Доигрались. А ты не могла ошибиться?

– Не могла.

Она подошла к нему в упор и прошептала на ухо:

– Все симптомы налицо. По-взрослому. Ты плачешь? – добавила она тоном, каким отчитывают нашкодивших детей.

– Это от радости. Не могу прийти в себя. Что же мы будем делать, дитя мое?

– Во всяком случае, я собираюсь рожать. Розовощекого пузанчика.

– Иногда дети даются родителям как наказание, Ирина.

– Это если неправильно их воспитывать или самому жить неправильно.

Горяева просто перекосило от ее слов.

– Что с тобой?

– У меня сломано ребро. Папе ты, надеюсь, еще не сообщала?

– Пока нет. Но папа у меня душка, у него широкие взгляды на жизнь. Он любит меня. Он все поймет. Думаю, в конце концов, будет рад. Главное, чтобы я была счастлива, разве не так? Я понимаю щекотливость твоего положения. Мой папа – твой друг, и все такое. Но так получилось. Вот что бы ты сказал своей дочери, если бы узнал, что у нее будет ребенок, отец которого – твой друг? Я уверена, что...

– Я бы убил его.

– Кого? Ребенка?

– Своего друга.

– Отца своего внука?

– Нет, подонка, соблазнившего мою невинную дочь.

– А если дочь никто не соблазнял? А если она сама была на все согласна? Да еще, может, сама же и соблазнила... А? Ты бы убил дочь?

– Сначала себя. А потом и дочь!

– Значит, по-твоему, я поступила неправильно? Так? Значит, наши с тобой отношения – просто какая-то недозволенная игра? Ты – подонок, а я – шлюха. Поиграли – и разбежались. Как мило! И это все, чему научил тебя твой жизненный опыт? Наверное, я у тебя первая такая, беременная. Остальных ты успевал по-отечески отговорить, уговорить. Ты у нас большой мастер уговаривать.

– Ирина! Опомнись! Что ты несешь!

– А ты что сейчас сказал? Я думала, ты обрадуешься. Я думала, родить от мужчины ребенка – значит, оказать ему высшее доверие. Я доверилась тебе. Разве можно говорить женщине о любви и не хотеть от нее ребенка? Я думала, хоть для твоего поколения, хоть для тебя это святые вещи...

– Ирина!

– Не подходи ко мне!

– Ирина!

– Стоять!

– Ирина... Ангел мой... Как отец и как... будущий отец...

Ты войди в мое положение.

– Ты думаешь, твое положение интереснее моего?

В этот момент двери палаты открылись, и в нее с нескрываемым любопытством заглянул Оранж.

– Ребята, что у вас тут происходит? Мы, например, уже обсудили свое будущее с Мариной...

– Пошел вон! – вдруг звонким голосом заорала Ирина. Алексей Юрьевич мгновенно исчез, и дверь клацнула язычком замка.

– Негодяй! Подонок! Предатель! – неизвестно кому кричала Ирина, и в дверь полетело все, что попало ей под руку: три яблока, а потом и не распакованная зубная щетка.

– Гоблин! – взвизгнула она и заплакала.

Горяев опустился перед ней на колени, а она медленно сползла к нему на пол.

Что же случилось в доме номер девяносто девять дробь два по улице Звонарева злополучным утром девятнадцатого сентября 2002 года?

А случилось следующее происшествие, которое многие впоследствии склонны были квалифицировать как невероятное, как репетицию катастрофы. Ровно в девять тридцать пять возле дома, с позволения сказать, остановился «мерседес», тянувший на прицепе необъятных размеров никелированную цистерну с каким-то подозрительным отравляющим веществом. Почему «с позволения сказать»? Почему не просто – остановился?

Да потому что синяя блестящая кабина грузовика уткнулась в столб недалеко от автобусной остановки, имитируя аварию. Именно имитируя, так как никакой аварии и в помине не было. Водитель спокойно покинул кабину и, в соответствии с каким-то диким поручением, исполняя нелепую миссию, последовательно поджег несколько дымовых шашек.

Поджег – и ушел.

Очевидно, смысл учения состоял в том, чтобы, с одной стороны, проверить бдительность граждан, научить своевременно реагировать население огромного дома на ситуацию экстремальную; с другой стороны – на полученный от населения сигнал должны были оперативно откликнуться спец-

службы типа «министерства по чрезвычайным ситуациям».

Итак, чрезвычайная ситуация сложилась налицо. Однако народ отреагировал неправильно, не по той логике, которая была заложена в инструкцию ответственными составителями. Народ горохом стал высыпать из высотного девятнадцатипятиэтажного дома и плотным кольцом окружил цистерну, несущую, якобы, смертельную угрозу. Дело в том, что любопытный народ мгновенно и в массовом порядке усек, как хладнокровный водитель неуклюже припарковался к столбу и затем, изображая из себя идиота, поджег что-то там дымное. Народ не проведешь.

Но кто-то все же сослепу не разобрался, и долгожданный сигнал, очевидно, поступил по телефону куда следует. Когда с воем сирен и включенными синими мигалками к дому подлетел взвод ярко-красных пожарных машин, немедленно выстроившихся в шахматном порядке, народ слегка растерялся, но тут же коллективным разумом двинул оригинальную и, главное, неотразимую версию: то, что всем поначалу представлялось безобидной игрой, на самом деле было террористическим актом. Кто-то бросился врассыпную, кто-то кинулся к мирному водителю, который решил поджечь еще несколько шашек, чтобы сгустить дымок. Тут всем стало ясно, что водитель-то был «кавказской национальности», хотя на нем была всего лишь обычная черная кепка. А не балуй, не поджигай! И усы, главное, нагло отпущены. Тоже черные.

Пока «чрезвычайники» разматывали свои брандспойты,

укладываясь в нормативы, несколько шустрых и подготовленных граждан в сутолоке и дыму успели так накостылять несчастному водителю темно-синего мерседеса, что дело приняло худой оборот. Водитель стал орать благим матом, призывая на помощь эмчээсовцев, однако те усердно накручивали свои нормативные километры и человеко-часы, не отвлекаясь на вопли частного лица. Их интересовала поставленная задача.

Кто-то в пожарном порядке решил эвакуироваться самостоятельно, не дожидаясь распоряжений нерасторопной власти. «Сами ликвидировали террориста, сами спасем себя и свое наиболее ценное имущество; враг не пройдет!» – было написано на лицах озабоченно снующих граждан.

Настроение жителей отдельно взятого дома становилось агрессивным и воинствующим. Очевидно, от отчаяния молоденький командир принял решение: шугануть струей брандспойта тех, кто охаживал террориста, чтобы охладить их неуместный пыл. Но сработал не тот брандспойт, и ледяной струей рубанули не по той толпе. Водой окатили ничего не подозревавших обывателей, тянувших свои чемоданы.

Началась паника. Теперь уже орали все, на полную мощность заработали все водяные установки. На подкрепление попавшему в осаду взводу с ревом и адским синим свечением неслись еще машины. В дело решила вмешаться милиция, оцепившая цистерну плотным строем. На автобусной остановке скапливались кареты скорой помощи. Мирно за-

думанное учение переросло в полномасштабную кризисную ситуацию.

В довершение всех неприятностей из окон квартиры, кажется, на седьмом, да, на седьмом этаже повалил густой дым. Тут-то всем стало ясно, что игрой и не пахнет. На глазах у всех нагло и цинично разыгрывалась многоходовая террористическая комбинация. Все ждали только взрыва и внимательно смотрели, не повалит ли дым откуда-нибудь еще. Но дым больше ниоткуда не появлялся, что слегка разочаровывало бдительных граждан. Все почему-то рассчитывали на большее.

Читатель уже, конечно, догадался, что горел тот самый диван, который задела ревнивица-Катька. Как потом выяснилось, у нее в любовниках состоял и муж Тоньки, вот ему-то и решила отомстить Катька. Может, они приревновала его к жене, а может, у нее были иные основания. Это в точности неизвестно. Но узкий круг посвященных в то, как развивались события на седьмом этаже с участием Катерины с четырнадцатого, был убежден, что умышленный поджог – дело рук любвеобильной Катьки.

Что касается наших героев, Горяева и Оранжа, то они оказались в больнице по нелепой случайности. Первым движением их мятущихся душ, будем откровенны, был человеколюбивый христианский посыл. «Кто тут нуждается в помощи больше, нежели я сам?»: примерно так подумали герои, когда каждый из них независимо друг от друга покидал свое

насиженное гнездышко, откликаясь на всеобщий переполох. Лестничные площадки, куда выходили их квартиры, были в дыму. Первая мысль Леонида Сергеевича, естественно, была об Ирине. Как она там? Что с ней?

Но даже думать было нечего о том, чтобы пробиться к ней вверх: лифт, само собой, был заблокирован, по лестницам тараканьей лавиной густо перли жильцы с верхних этажей. Горяеву ничего не оставалось, как влиться, нет, с боем вклиниться в общий поток, сметающий все на своем пути. Горяев, испытывая какой-то необыкновенный подъем духа, схватил находящуюся рядом девочку и ответственно доставил ее вниз, на улицу. Его уже начинало распирать чувство, похожее на гордость, как именно в этот момент заработал не тот брандспойт. И первой жертвой мощной струи был как раз Горяев: вода под бешеным напором со стуком угодила ему прямо в лоб. Разумеется, спаситель девочки рухнул как подкошенный. Остальное довершила обезумевшая толпа.

Вот откуда взялось ушибленное ребро, временное беспмятство и, вероятно, сама музыка, которая разбудила Леонида Сергеевича на следующее утро. Надо сказать, что Горяев еще легко отделался. Были ведь и реально сломанные ребра, побитые носы и вывернутые лодыжки.

Ах, да что там. Наломали дров.

Первая мысль Алексея Юрьевича была несколько иной: «Что за чертовщина творится! Уж не конец ли это света?»

Помнится, он так и спросил у пролетавшей мимо тетки, но

она внимательно смотрела себе под ноги, и Оранж устыдился неуместной иронии. Женщины считали своим долгом повизгивать, мужчины, напротив, сжав рты, тупо топали кто чем мог, но большинство топало туфлями, несмотря на жаркий день, которым собирался побаловать сентябрь. Оранжу спасти было некого – до тех пор, пока рыхлая мадам, без нужды повизгивавшая у него над ухом, не подвернула себе ногу. Наверно, все мужчины спасали своих жен, поэтому просто некому было подать руку тучной мадам. Оранж просто физически не мог заставить себя перепрыгнуть через голову живого человека и топать дальше. И он подал руку мадам, о чем тут же и пожалел: ему пришлось взвалить ее на себя. Естественно, к финишу сил уже не осталось. Он рухнул и без брандспойта прямо под туфли и каблуки охваченной паникой толпе.

Толпа схлынула, на земле остались лежать два-три скрюченных тела.

Их-то и подобрала люди в белых халатах.

Дальнейшее читателю хорошо известно.

– Какое-то кино или ток-шоу, Горяев. Я не могу в себя прийти.

Так говорила Горяеву его жена, Валентина Павловна. Они мирно беседовали на кухне, не получая никакой радости от общения.

– Только в кино сценарии не кровью пишутся, – многозначительно возражал Леонид Сергеевич. – А тут... Постарел лет на пятнадцать.

– Что-то не очень верится в эти басни. Седина в бороду, бес в ребро, девочку в постель, жену на свалку... Никакой крови я тут не вижу, а вот труп один есть. Только его никто не замечает. Всем не до того.

– Это я, что ли, труп? – не чувствуя себя оскорбленным, дернул плечом Горяев.

– Да нет, не обольщайся. Ты – это седина в бороду. Труп – это я. Все, что у нас произошло, – произошло через мой труп. Зря ты ко мне пришел, Горяев. Не могу я тебя пожалеть. Да и себя пожалеть не могу. Мне только Маринку жалко. Бедная девочка! Полюбила какого-то негодяя, ждет от него ребенка. Мой муж ушел к беременной девице. Сын замкнулся, переживает, ни с кем говорить не хочет. Обо мне все забыли. Кино, немое кино. Черно-белое. Под звуки разбитого рояля, над которым склонился нетрезвый тапер.

– Мне больно это слышать.

– А мне наплевать, что тебе больно.

– Ладно, хорошо. Я – бес, целый гоблин.

– Кто?

– Гоблин. То есть порядочная скотина. Допустим. Но в чем моя вина? Разве я совершил сознательную подлость?

– Горяев, если бы ты знал, как мне сейчас противны любые слова. Сознательную, бессознательную... Труп есть, а виноватых – нет. Сама виновата. Может, ты скажешь, в чем моя вина? В том, что я любила тебя? Давала возможность тебе писать свои паршивые романы? В том, что воспитывала детей? Уходи, Горяев. С трупами не о чем разговаривать. Мертвые не потеют.

Шестым чувством Леонид Сергеевич усек, что пора менять тактику. Иначе разговора не получится. Разжалобить ее не удастся; значит, во имя жизни, надо сделать больно. Так сказать, спасительно пустить кровь. Может, тогда отойдет.

Была не была. Больше, чем правда, люди еще ничего не придумали.

– Валентина, не гони меня. Ты так легко перечеркиваешь нашу жизнь, делаешь из меня опереточного злодея. погоди, дай мне высказаться. Я не знаю, в чем виноват я, но я знаю, что мне тоже очень тяжело. Я тебе скажу все до конца. Многие живут всю жизнь, но так и не доходят до последней черты искренности. Мы с тобой, к сожалению, дошли. Нам нечего скрывать друг от друга. Да, я встретил девушку, да, я полю-

бил ее. Да, Валя. Так произошло.

– Тебе угодно называть это «встретил девушку», а мне кажется, ты бросил и растоптал меня. Ты предал меня, разбил мне сердце, сделал бессмысленной мою жизнь. От нас отвернулись дети. Это тоже входит в понятие «встретил девушку».

– Мы говорим с тобой на разных языках.

– Нет, Горяев, просто ты никак не можешь привыкнуть к тому, что трупы не слышат. И не могут жалеть.

– Ладно. Давай разговаривать как чужие люди. Не я первый, не я последний, мадам. Все это происходит на каждом шагу, сплошь и рядом. Даже наша дочь, судя по всему, связалась с женатиком. Почему бы тебе и ей не предъявить претензии? Она тоже прикладывает руку к тому, чтобы кто-то стал трупом.

– Послушай, ты, как там тебя, гоблин, чужестранец, дочери предъявит претензии сама жизнь. Нашел, чему радоваться.

– А я вот рад за свою дочь. Она познала любовь, у нее будет сын. Или дочь. Нет, все-таки лучше сын.

– У дочери будет дочь.

– Хорошо, пусть даже дочь. У всего есть своя логика, у жизни есть свои законы. Зачем же их ломать? Если бы ты захотела, у нас была бы внучка. Или трупам внучки не нужны?

– Горяев, сейчас я тебе как чужому человеку скажу одну вещь. Ты мне изменял, я знаю. Так ведь, в жанре полной искренности, у последней черты? Ну, давай, говори, чего уж

там скрывать, дело прошлое.

Такая правда, до такой степени правда не входила в планы Леонида Сергеевича, поэтому он на долю секунды замаялся. По укоренившейся привычке не говорить женщинам всей правды, чтобы не испортить дело (правда в отношениях с ними допустима только тогда, когда тебе необходимо окончательно поругаться, вдрызг, непоправимо), он осторожно заметил, намекая на нетривиальность измены:

– Это совсем не то, что тебе могло бы показаться.

– Не важно. Главное, что это все-таки было. Не знаю, догадывался ли ты о том, что мне известно о твоих похождениях.

– Не догадывался. Я был уверен, что никто ни о чем не узнает.

– Дурак.

– В смысле?

– Какой же ты был дурак. Еще тогда.

– Не будем унижать себя, зачем переходить на личности?

– Боже мой, какая чувствительность. Какое пылкое сердце, какая ранимая душа. Какое сокровище я потеряла.

– Для трупа ты чересчур язвительна.

– Откровенность за откровенность, гоблин на букву «б». Хотя на «г» – тоже ничего. Мне было тогда очень больно, не скрою. Вот как сейчас.

– Мне очень жаль. Sorry.

– Мне было так больно, что я решила отомстить тебе. Я

решила тоже изменить тебе, Леня. Но сделать это так, чтобы ты ни о чем не узнал. Как видишь, я тоже дорожила спокойствием в семье. Так сказать, погодой в доме, моральным климатом.

– Я тебе не верю. Ты врешь, чтобы ложью своей досадить мне.

– Как ты думаешь, с кем я тебе изменила? Ни в жизнь не догадаешься.

– Я не хочу обсуждать эту тему.

– Тему твоих рогов? Да тут и обсуждать нечего. Я тебе изменила только раз в жизни. С твоим лучшим другом, дочь которого ты впоследствии имел счастье полюбить.

– Вот теперь началось кино. И зря ты ждешь немой сцены.

– Зря. Потому что еще не время. Немая сцена будет сейчас.

– Не надо нагнетать, не надо этой дешевой драматургии. Что может быть хуже измены?

– Хуже измены оказалось то, что в результате измены я забеременела.

– И что же?

– И у меня, как тебе хорошо известно, родился второй ребенок, твой сын.

Очевидно, немая сцена все-таки случилась, потому что дальше Валентина Павловна с удовольствием произнесла:

– Мне очень жаль. Sorry.

– Такими вещами не шутят.

– Конечно, не шутят. Это было бы бесчеловечно. Так ведь я и не шучу.

– Это какие-то совсем уж... дьявольские штучки. Я пойду к Ивану и спрошу у него.

– Неужели ты полагаешь, что Ивану известно, что наш ребенок – это его ребенок? Для него это тоже был всего лишь сладкий акт мести. Ведь от его жены я и узнала, что ты мне изменял с ней. А я, само собой, обо всем рассказала ему.

– Кошмар! Как же вы, бабы, умудрились такой кошмар устроить. Выходит, что я воспитывал сына моего друга Ивана, а мой друг Иван получает внука, отцом которого являюсь я? А я-то думаю, почему женщины так обожают мыльные сериалы.

– Главными героями мыльных сериалов, если ты заметил, являются не только брошенные женщины, но и обманутые мужчины.

– Я тебя за всю жизнь ни разу не оскорбил, ни разу не припечатал грубым словом, не так ли?

– Я тебе никогда не давала повода.

– Так вот, Валентина, ты сучка. Полный труп.

– От гоблина слышу. На букву «ж».

– Я надеюсь, у тебя хватило ума не рассказать эту историю нашему сыну, Николаю?

– Наш сын и так достаточно страдает от того, что вытворяет его папаша.

– Какой папаша?

– Горяев Леонид Сергеевич.

– Зато с мамой ему исключительно повезло.

– Я вижу, ты уже не так философски относишься к законам жизни. Ты сердишься, Горяев. Значит, ты не прав. Я желаю и тебе превратиться в труп.

– Не дожدهшься!

– Дождусь. Труп – это прямое следствие неправильного отношения к законам жизни. Ты же производишь детективы и хорошо знаешь: труп – это следствие роковой ошибки. А ты уже совершил непоправимую ошибку, Горяев.

Злокозненный джин правды витал над руинами разрушенной семьи, которая держалась, оказывается, на крепких сваях святой лжи, покоилась на граните веры в самое лучшее, что только можно предположить в человеке, и дерзко устремлена была в светлое будущее, которое принято проектировать и строить, невзирая на темные и сомнительные стороны природы человека.

Совместима ли правда со счастьем?

Правда в том, что человек, дитя природы, вынужден регулировать свое поведение способами культурными – симпатичными, но малоэффективными. Момент счастья (который слабым людям хочется считать моментом истины) наступает в результате культурного целеполагания и культурного же самоосуществления. Счастье как категория из области культуры может покоиться только на мифах; природа душевно толкает к счастью, но всенепременно сама же и разрушит его с

помощью своего парадоксального слуги и господина – товарища разума. Хочешь правды – разрушай счастье. Как жить с такой правдой?

Те-те-те, кажется, меня понесло. Мне на секунду показалось, что я и есть Горяев. Чертовщина какая-то.

Ну, уж дудки, господа, не хотел бы я побывать в его шкуре. Бр-р-р! Пусть выпутывается сам.

Примерно в это же время Алексей Оранж безуспешно пытался втолковать своей жене Виолетте следующее (и тоже в бывшей своей квартире, и тоже на кухне; только кухни у супругов Оранж и Горяевых, если уж до конца говорить правду, были разного цвета и разных моделей. У Горяевых кухня была светлой; у супругов Оранж преобладали бежевые тона... Но стоит ли вспоминать об этом перед лицом таких событий!).

– Виолетта, ангел мой! – сыпал свои покаянные речи Алексей. – Я только раз крутанул хвостом, а ты делаешь из этого целое событие. Нельзя же быть такой... непорочной, как дева Мария! Ну, что ты качаешь головой, что ты молчишь, словно каменный демон! Ты совершаешь тяжкий грех. Просто оскверняешь душу. Да, да, представь себе. Ты лишаешь меня возможности покаяться. Ты делаешь из меня преступника. Ты ввергаешь душу мою в геенну огненную...

– Дело не в твоей измене, – печально качала головой жена. – Дело в том, что ты выгнал из дому Мусю. Ты накликать несчастья. Нам это никогда не простится.

Гладкие волосы Виолетты белесым шрамом разрезает строгий пробор, губы сложены в тонкую нить, под глазами – нежная синева; в глазах пустота и одновременно каменная принципиальность. Убить хочется.

– Виолетта, зайчик мой, ну не будем же мы всерьез обсуждать собачьи проблемы.

– Ты не понимаешь. Ты нарушил заповедное что-то. Мы дали слово Небу, нам помогли, у нас долг неоплатный. Ты... наплевал на святое. Все. Дальше будут только страдания. За все надо платить. Держись от нас подальше – больше я ничего не прошу.

– По-твоему, я шайтан, принявший облик человека?

– Я чувствую, я ощущаю, что ты не можешь принести женщине счастья. На тебе печать проклятия.

– Знаешь, о чем я думаю? Нам не следовало брать собачку в дом. Ты бы и так родила. Даже двойню. И осталась бы при этом нормальной. Как я ненавижу старух и собак!

– Боже мой! Господи, прости его! Пока ты не раскаешься и не получишь прощения – тебе не видать Димитрия. Царица небесная!

Оранж сжал кулаки и обернулся в поисках предмета, которым можно было бы так запустить в стену, отделанную холодным сереньким кафелем, чтобы тренькнуло или брызнуло салютом. На полированной поверхности стола стояла пустая хлебница из плетеной соломки; линолеум смущал сверкающей чистотой. На кухне царил идеальный порядок. Пальцами правой руки Оранж вцепился себе в волосы, в пальцы левой руки впился зубами. Беспомощно плакать теплыми слезами на такой кухне было невозможно.

Неэстетично.

Луна хищно светилась немигающим глазом ягуара, который бдительно следовал за Горяевым. В такой вечер тянуло на подвиги, хотелось совершать действия, которые казались если не преступными, то определенно авантюрными. Ничего бы не стоило украсть миллион, влюбиться в королеву; с безумной легкостью Горяев намерен был спросить у друга Ивана Приставкина, не является ли тот, некоторым образом, отцом его, Горяева, кровного сына, гм-гм... Является?

Очень хорошо. Прелестно. Чудно, бесподобно. Вполне по-дружески.

«Каким отцом? О чем речь?! Ты спятил!» То есть не является?

Гм-гм...

Это непредвиденное обстоятельство несколько усложняет дело. Но тоже можно пережить, можно, чего там.

Вперед, вперед!

С другой стороны, предстояло, неизбежно предстояло выяснить, кто является отцом внучки Ивана. Но тут Горяев твердо не собирался путать божий дар с яичницей. Внучка, в смысле дочка, – это плод любви и вполне серьезных намерений. Возраст отца дочки-внучки?

Не станем отвлекаться на мелочи. Смешно. Можем обратиться к мировому опыту в этих деликатных делах. Начнем

с сэра Чаплина. Чарльз, бог немого кино, как известно, был старше своей жены, дочери своего друга, на целых тридцать три года, собственно, на всю Христову жизнь. Продолжать? Ах, уже нет?

Дверь открыла роскошная нестареющая Людмила, жена подлого Ивана. Что за свежая кожа! И этот блеск в глазах. Знакомая морщинка десятилетней давности на месте, вот тут, на шее, а других как будто не прибавилось. Щечки слегка поотвисли, губы поувяли, но еще вполне, так сказать, выполняют функцию. Какого замеса бывают женщины! Зной, истинный зной! Ее вид ему напомнил смутно черты той, которая...

В общем, перед ним стояло прошлое, настоящее и будущее в одном симпатичном лице.

– Сколько лет, сколько зим, – замурлыкала обольстительница.

– Где Иван? – мрачно оборвал ее Горяев, протягивая одновременно коньяк и цветы и не делая между ними никакого различия. Главное было – сохранить решимость.

– Что с тобой? – сразу нашла верный тон Людмила.

– Где Иван?

– Его пока нет. Скоро появится.

– Не будем терять времени. Ты тогда сказала ему?

– Леня, присядь, разожми кулаки. Объясни, в чем, собственно, дело.

– Десять лет назад, когда ты залезла, нет, вползла ко мне в

постель... – решительно и несколько гневно начал свое объяснение Леонид Сергеевич.

Людочка быстро все поняла. Но она не стала суетиться, прятать глаза или при помощи каких-то иных способов, коих у нее в запасе было десятки, делать вид, что нервничает. Отнюдь нет. Она совершенно искренне выразила недоумение:

– Ну и что?

– Как что, как что? Ты ведь проговорила моей жене, что мы с тобой по четвергам... так сказать, дружим постелями.

– Боже мой, да мало ли что я могла сболтнуть подруге в порыве откровенности в те тяжкие постсоветские годы! Это было миллион лет назад. У меня такое ощущение, честно сказать, что я тебя впервые вижу. Четверги помню очень смутно, как будто не со мной было.

– С тобой, с тобой было. Раньше ты жила от четверга до четверга.

– Я не отрицаю. Просто это было давно.

– погоди, Люда. Я не понял главного. Твой муж спал с моей женой?

– Вот этого я не знаю. Спроси у него.

– Хорошо. Положим так. Как же быть насчет моего сына?

Людмила была в том великолепном возрасте, когда положено уже обзавестись разнообразным жизненным опытом, когда люди, если они честны перед собой и перед небом, знают о жизни все. Всю правду. Людмила была не из тех, кто прожил жизнь с иллюзиями; а ведь только иллюзии позво-

ляют женщине сохранить чистоту. Думаете, почему Горяев так тщательно скрывал от жены свои темненькие, гм-гм, де-лишки?

Он ничего не скрывал, он дарил ей иллюзии! Дарить женщине цветы – дарить иллюзии; открывать шампанское – усугублять эйфорию; преклоняться перед ней – значит, дарить супериллюзию: мечту о счастье. Женщина без иллюзий – это ядерный смерч, укус ее смертелен. Мужчина без иллюзий – это...

Пardon, опять отвлекся. Задевает за живое, ей-богу. Хотя ты бросай писать.

– Это не тот случай, когда говорят «а был ли мальчик», – начала Люда тоном, не сулящим ничего хорошего. Когда женщина начинает говорить таким тоном, ее последние фразы непременно будут убийственны. – Ребенок – не плод фантазии. Мальчик есть. И твои разборки с женой ничего не меняют. Боже мой, до чего глупы мужчины! Как легко обвести их вокруг пальца! Просто стадо баранов. Да почти каждый день мужья слышат от своих жен то, что ты недавно услышал первый раз в жизни. Это же наш ядерный щит! Последний рубеж обороны. И кто же тебе скажет правду! Тем более, если сама ее не всегда знаешь...

– Кошмар, кошмар...

– Куда ты влез, Горяев? Эта проблема – почище клонирования будет. Ты влез в женскую природу, понял? А еще ни один мужик не унес ноги из этой трясины. Всех утянем!

– Дура ты, Людка. Философ в юбке, горгона, блин, медузоя...

– Ладно, Леня. Давай как на духу. Ты вот сейчас расскажешь моему мужу о своих, как бы это сказать, сомнениях.

– Расскажу. Клянусь Олимпом.

– Герой! Молодец. Прямо Александр Македонский, что жил в Фермопилах. Целый Кутузов! Я горжусь тобой. А вдруг мой муж и в самом деле переспал с твоей женой? А? Представь, что с мужиком начнет твориться. Забудь, Леня. Уже ничего не изменишь. И потом...

Лицо ее внезапно постарело, как-то опало – и видна стала накопившаяся от испытания правдой усталость.

– У нас сейчас такие проблемы с Ирккой – не твоим чета. Представь себе, дружила с мальчиком, забеременела, а тот, собака, одновременно другую дуру обрюхатил. А у той дружкой девицы – еще та семейка. Разнюхали – и тут же заставили жениться.

– Как же так... Бред какой-то... Роман, роман...

– А вот так! Ирке этот мальчик не очень нравился, и она связалась с каким-то пожиловатым, что-то вроде тебя. Сорок с хвостиком. Хотела за него замуж выйти. А теперь вдруг раздумала. Вот чей у нее ребенок родится, скажи, дуралей? Думаешь, она сама знает, кто является биологическим отцом ее ребенка? Сначала она шантажировала своей беременностью того мальчика, а теперь вот... Придется рожать.

– Да, пироги с котятами... А ты вот мне скажи, Люда, как

на духу. Мы с тобой в четверг никого не зачали?

— А ты что, считать не умеешь? У меня же нет девятилетних детей. Мы просто дружили постелями.

— А если бы зачали?

— Ну, если бы, да кабы...

— А Ирка твоя... от Ивана?

— Конечно. Думаешь, почему мы поженились? Залетели. Хотя...

— Стоп. Не продолжай. Пожалуй, хватит об этой трясине. Всасывает, тянет и влечет. Передай Ивану дружеский привет. Мне пора.

Полная луна с нескрываемым любопытством взидала на трезвого мужчину, ноги которого расслабленно выписывали замысловатые кренделя. Причем, шел он в сторону, противоположную от дома номер девяносто девять, расположенного по улице Звонарева. Квартира, в которой они прожили с женой счастливых двадцать лет, также располагалась в иной стороне, и даже в иной плоскости, а именно: они жили на седьмом этаже, тогда как он снимал квартиру в доме номер девяносто девять на восьмом этаже.

Таким образом, сложно сказать, куда влекло Горяева томным вечером, залитым светом нескромной луны.

Для тех, кто нюхнул из дьявольского флакона нафталиновый запах небытия, в жизни прибавляется, с одной стороны, море забот и хлопот, а с другой – скуки и безразличия. Суета становится формой выживания, суета сует. Слепит очи и не оставляет времени на размышления.

Жизнь плавно и вопреки твоей воле входит в режим доживания. Разум сопротивляется, сил полно, события калейдоскопически сменяют друг друга – но сам дух жизни, дух высоких иллюзий уходит из повседневных хлопот. Имитация, муляж, жизнеподобие... Жизнь теряет запах.

Можно сказать иначе: у вас глаза еще не потухли, но уже перестали гореть. Вы понимаете, о чем я?

Энергетика, пассионарность, оплодотворенные пылью мечты, больше не пульсируют в ваших делах. Вы все делаете так, как делают все: подъем, зарядка, душ, плотный завтрак, деловая встреча. Но они, эти все, рвутся к счастью, а вы – просто оттягиваете погибель. Есть разница. А все почему?

Да потому, что, лишаясь иллюзий, вы лишаете себя перспективы. Вместе с иллюзиями выплескиваете смысл бытия. Если с вами еще не произошло такое, рекомендую посмеяться; потом будет поздно.

Итак, много воды утекло и много произошло событий, но о них, как вы теперь понимаете, рассказывать нет смысла,

ибо события, из которых ушел дух жизни, превращаются в ступени, ведущие вниз, к смерти. Но дело в том, что события, заполнявшие жизнь Горяева, вели не напрямую к смерти, он это чувствовал; они вели в никуда – туда, откуда до смерти всего несколько шагов в неизвестном направлении. Они вели в зону небытия. Понимаете, на жизнь сил уже не было, а на сопротивление смерти еще оставалось. Не ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.